

ТРУДОВАЯ ЭТИКА В ОЦЕНКЕ ОСНОВНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

План лекции

1. Исторические предпосылки формирования христианской трудовой этики.
2. Общие для христианских вероисповеданий принципы отношения к труду.
3. Труд и спасение. Труд как аскеза.

1. Исторические предпосылки формирования христианской трудовой этики

Европейская цивилизация строилась на христианской основе. Для Украины, как и для большинства стран Европы, социальная и хозяйственная этика неразрывно связана с христианством. Христианство включает в себя три конфессии — Православие, католицизм и протестантизм, который в свою очередь подразделяется на множество направлений. Каждая из этих конфессий имеет свои особенности в вероучении. Отсюда различия в воззрениях на задачи земной жизни и роль труда; в оценках богатства, социального и имущественного неравенства. Неодинаково и отношение к рациональному познанию, техническому прогрессу. Таким образом, с одной стороны, можно говорить об общей христианской этике труда, которая отличается от буддийской или конфуцианской, а с другой стороны — о православном, католическом и протестантском вариантах трудовой этики.

Трудовая этика может быть определена как *совокупность норм и ценностей, которые имеют люди и группы людей относительно труда*. Труд является занятием только людей. Животные тоже деятельные существа, но они не работают, они действуют инстинктивно. А люди обычно сначала составляют план прежде, чем воплотить его в действии. Кроме того, стремление к

этой человеческой деятельности врожденное. Труд является той деятельностью, для которой люди прилагают все необходимые силы, хотя не каждое человеческое, целенаправленное занятие является трудом. Спорт и игра также требуют усилий, но в сравнении с трудом в спорте и игре занятие и цель совмещены.

Труд, в отличие от игры, можно обозначить как человеческое устремленное занятие, направленное на осуществление находящейся вне труда цели, а именно на производство товаров и услуг. Но и в этом случае определение понятия труда еще не совершенно. Ибо специфика труда состоит не только в указанных занятиях, но и в том, что эти занятия протекают в определенных организованных общественных рамках.

Таким образом, труд можно определить как *такую умственную или физическую, напряженную, оплачиваемую или неоплачиваемую деятельность, которая имеет целью производство товаров и услуг, которые полезны для поддержания общества и которые могут быть произведены в рамках производственного и потребительского хозяйствования*.

Поговорим о некоторых исторических предпосылках формирования христианской трудовой этики — как общих для всех конфессий моментов, так и специфических отличий католицизма и протестантизма от Православия. Мы уже рассматривали в предыдущей беседе библейские основы трудовой этики, изложенные в Священном Писании принципы освящения труда. Для истории христианской трудовой этики наиважнейшим является то, что с появлением Христа точка в еще большей степени человеческая потребность в труде и сама трудовая деятельность рассматриваются в качестве *со-работничества людей Богу*. Именно благодаря способности быть творческим «сотрудником» Богу, созидать новое, еще не бывшее в человеке, созданном «по образу и подобию Божию», и проявляется богоподобие человека.

Необходимость труда, прямая обязанность людей трудиться основывалась на известном выражении апостола Павла: «Если кто не хочет работать, пусть и не ест» (2 Фесе. 3:10). В «Учении двенадцати апостолов» говорится о желающем жить в христианской общине: «если он ремесленник, пусть трудится и ест. А если не знает ремесла, то вы позаботьтесь о нем, но так, чтобы хри-

стианин не жил среди вас праздным. Если же он не желает так поступить, то он христородавец. Остерегайтесь таких!» («Учение двенадцати апостолов», XI:3-5). Апостол Варнава (спутник апостола Павла) также призывал христиан «не прилепляться к таким людям, которые не умеют доставать себе пищу трудом и потом» (Учение апостола Варнавы, X). По словам Оригена, крупнейшего мыслителя раннехристианской эпохи, «Бог создал человека существом, нуждающимся в труде».

Эти положения разделяли все христианские богословы — как православные, так и католические (а позднее и протестантские). Отцы Церкви в Средневековье воспринимали труд как *поручение Божье*. Это справедливо как для западных, так и для восточных Отцов. Так, западный святой Амвросий Медиоланский учил, что труд принадлежит к достоинствам человека; уже до грехопадения Бог дал поручение людям трудиться. В подобном ключе еще один известный западный святой Августин Блаженный выражал основанную на Писании позицию относительно труда, основываясь на известном выражении апостола Павла во втором письме к Фессалоникийцам: «Если кто не хочет работать, пусть и не ест». Выдающийся богослов средневековой Европы Ансельм Кентерберийский риторически спрашивал: «Не рождены ли каждый человек для труда, как птица для полета?», а известный проповедник Средневековья Бертольд Регенсбургский считал, что способность к профессиональной творческой работе есть второй дар Бога человеку после первого дара — свободы воли. В восприятии средневековых схоластиков, прежде всего Фомы Аквинского, также продолжала звучать эта положительная этика труда. У Фомы труд является естественным стремлением, естественной необходимостью каждого человека. Во-первых, поскольку каждый человек имеет задание посредством своего труда совершенствовать созданный Богом мир. Во-вторых, каждый человек, как сотворенное создание, естественно направлен на то, чтобы отстаивать свою собственную жизнь и жизнь относящихся к нему людей. В-третьих, в первую очередь труд делает возможными поступки милосердия.

Идея творческого призвания и, в частности, профессионального призвания имеет основополагающее значение и для

протестантизма. Там труд и профессиональная успешность ценятся особенно высоко, так как имеют особое отношение к спасению человека. Протестантские реформаторы подчеркивали *взаимосвязь между профессией и призванием*. По их мнению, при осуществлении нашей ежедневной профессиональной деятельности мы выполняем Божественное призвание; в нем мы все работаем над раскрытием творения. Трудовая деятельность протестанта непосредственно связана с его религией. Признаком истинной веры протестантизм считает не столько внешнее выполнение человеком религиозных предписаний, сколько честное выполнение своих обязанностей.

Если вспоминать *восточных Отцов и учителей Церкви*, то истоки социально-экономического православного мирозерцания связаны с сочинениями святого Климента Александрийского, святого Василия Великого и святого Иоанна Златоуста. Отцы и учителя Церкви постоянно подчеркивали этическое значение трудовых процессов. Так, Климент Александрийский называл труд «школой общественной справедливости». Святитель Василий Великий утверждал, что «намерение благочестия не должно служить предлогом лени и бегства от работы, а побуждением к еще большим трудам». А вот что говорил Иоанн Златоуст: «Не станем стыдиться ремесел и будем считать бесчестьем не работу, но праздность» («Толкование на послание к Фессалоникийцам»).

Восточные Отцы постоянно подчеркивали приоритет духовной составляющей трудовой деятельности, подчеркивали достоинство устремленной к Богу души, утверждающееся в труде. Вспомним слова Иоанна Златоуста: «Как велико достоинство души! Через ее силы строятся города, переплываются моря, обрабатываются поля, открываются бесчисленные искусства и возвращаются дикие звери». Как считал святой Максим Исповедник (VII в.), человек своим трудом был призван всю Вселенную превратить в рай.

Большое влияние на формирование православной этики оказал православный византийский мистик и богослов XIV века святой Григорий Палама. Он утверждал, в частности, что благодаря способности творческого труда человек превосходил ангелов и что творчество всегда «Богостремительно», всегда результат

«синергии», **соединения двух волей — Божественной и человеческой**. Согласно учению Григория Паламы, спасение души достигается созерцанием, укрощением плоти, молитвенным экстазом. Основываясь на доктрине Паламы, Православие представляет *хозяйственный труд именно как один из аспектов общечеловеческого «трудничества», ядром которого является духовное преображение, трудничества, средством которого является аскеза*.

С этой точки зрения *не всякое богатство является безусловной добродетелью и благом, а бедность и убогость способны оказываться уроком*: не случайно помогать бедным и убогим, подавать милостыню нищим рассматривается как одно из самых богоугодных дел.

В связи с этим достаточно своеобразны «трудовые модели» в Православном Предании по сравнению, скажем, с протестантизмом. Так, отличаются подходы к определению богоизбранности человека. Протестантизм полагает, что если человек много работает в материальной сфере и имеет осязаемый же результат, значит с ним Бог. Православный же путь, вершиной которого стала монашеская аскеза, способен рассматривать труд как средство духовного воспитания и подготовку к «духовному деланию». В условиях преобладания духовно-созерцательного мотива над деятельностным, *труд рассматривался Преданием как орудие спасения души и тела от греховных искушений*.

В отличие от католичества и протестантизма, Православие *пронизывает «религиозным вдохновением» не только храмовую жизнь, но и весь быт человека. Освящение быта (труд, семейные отношения, еда, сон, одежда, любая повседневность) вообще свойственно Православию, оно сопровождает человека от рождения до самой смерти*.

2. Общие для христианских вероисповеданий принципы отношения к труду

В чем заключаются общие для всех трех христианских вероисповеданий принципы отношения к труду? Если взять проблему соотношения двух жизненных сфер человека: его духовной

жизни и мирской трудовой деятельности, интересными и полезными для размышлений будут особенности интерпретации этих взаимоотношений различными ветвями христианства, и прежде всего, естественно, Православием.

Прежде всего, *христианство, в отличие от многих других религий и философских учений, признает материальный, видимый мир благом*. Ведь его сотворил благой Бог, Который любит все свое творение, включая и человека. Христианское отношение к материальному противостоит тем религиям и философиям, которые видят в материи и телесности только зло, стремясь к чисто духовному инобытию или к преодолению земной жизни как страдания (платонизм, гностицизм, манихейство, буддизм и др.).

Центральным догматом христианства является догмат о воочеловечивании Иисуса Христа Сына Божия. Из него, в частности, следует, что Бог, став человеком, уничтожил пропасть между «посюсторонним» и «потусторонним», между земным и небесным, человеческим и божественным. И тогда все, что совершается здесь, на земле, озаряется высшим смыслом. Тогда *труд и весь хозяйственно-экономический процесс могут иметь некий высший смысл, становясь средством совершенствования и одухотворения, подъема земной горизонтали в небесные высоты*.

Признание материального мира благом и озаренным высшим смыслом открывает простор *земному активизму и хозяйственной энергии*, совершенствованию личности в творческом и созидательном труде. Нельзя не признать однако, что в христианской исторической традиции в ряде случаев сказывалось влияние греческой философии платонизма, что проявлялось, в частности, в склонности видеть в хозяйстве, труде, развитии культуры и цивилизации мирскую «суету», вредную для совершенствования души.

Второе замечание. *Земной активизм, творчество, труд предстают в христианстве величайшей ценностью*. По словам Оригена, крупнейшего мыслителя раннехристианской эпохи, «Бог создал человека существом, нуждающимся в труде». Труд благословлен Богом. В нем проявляется высокое достоинство человека. Вместе с тем труд есть призвание и наказание одновременно. «Тяжким благом» назвал его св. Фома Аквинский. Как понять такую двойственность?

После грехопадения природа перестает покоряться человеку; возникает необходимость борьбы за существование. Трудовая «повинность» ложится на плечи человека. Забота о пропитании и выживании становится суровым наказанием за грехопадение: «...проклята земля за тебя; — говорит Бог человеку. — Со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт. 3:17-19).

Христианство разделяет все человеческое прошлое на два этапа — «райский», в котором еще не было греха, смерти, болезни и борьбы за физическое выживание, и всю остальную, собственно человеческую историю, начавшуюся после грехопадения прародителей. Если в райской жизни труд выступает как призвание, «чистое творчество», то после грехопадения становится также и наказанием. Приговор Адаму, как мы помним, звучит сурово: «в поте лица твоего будешь трудиться, чтобы «есть хлеб» и жить. В райский период, который предстает идеальным образом бытия, человек, мог легко по зову души и с любовью преобразить его, «возделывать» и «хранить» землю. Мы уже цитировали святого Максима Исповедника (VII в.), который говорил, что человек был призван всю Вселенную превратить в рай.

Та же мысль проводилась издавна и в католической традиции. В католичестве *церковная жизнь вдохновляет человека на мирскую трудовую деятельность*. О высказываниях западных средневековых авторов мы уже упоминали. И в современном католицизме проповедь труда заняла особое место, особенно в связи с развитием капитализма во всемирном масштабе. Во многих энцикликах (всемирных посланиях римских пап), начиная с энциклики «Новые вещи» (Regum novarum) папы Льва XIII (1891), поднимались вопросы, связанные с трудом, капиталом, местом человека труда в современной социальной системе. В этой энциклике подчеркивалась нравственная ценность труда человека как Божьего создания. Труд должен обеспечивать рабочим заработную плату, которая могла бы дать им и их семьям достойную жизнь. А в энциклике Quadragesimo Anno (1931) основная мысль Renum Novarum получила дальнейшее развитие и была доработана в со-

ответствии с тогдашней социальной и экономической ситуацией. Эти две энциклики побудили к основанию католических и евангелических профсоюзов.

Трудовому призванию человека посвящены специальная энциклика папы Иоанна Павла II «Совершая труд» («Laborem Exercens») (1981). Так, в энциклике подчеркивается, что труд является обязанностью всех людей. Именно «через труд человек способен уподобиться Богу, своему Творцу, потому что человек, и только он один, в своем творчестве заключает в себе нечто особое, что делает его подобным Богу». Далее в этой энциклике было отмечено, что и в наш век механизированного труда человек остается действительным субъектом труда. Он должен подчинять себе землю, ибо он как образ Божий является личностью, субъектом. Это означает, что труд имеет этическое значение. Рабочий достоин не только заработной платы, он должен также нести ответственность в отношении содержания своего труда, обстоятельств и условий труда и участвовать в институциональных органах, где принимаются решения относительно этого. Наконец, в этой энциклике разъяснено, что в прошлом происходил поиск решений социальных проблем в национальном контексте, в то время как сегодня на первый план выходит всемирный характер этих проблем. Заметим, что этот текст представлен в качестве одного из приложений к этим нашим беседам и с ним могут все желающие ознакомиться.

Еще один важный момент. *Труд как заповедь Божия обязателен для всех людей*. С чем это связано? Во-первых, с равенством всех людей перед Богом и, соответственно, с распространением на всех без исключения основных заповедей, в том числе и заповеди труда. Пренебрежительному отношению к людям труда и «плебейским занятиям» в языческие времена христианство противопоставило уважение к простым людям и их труду. Сам Иисус, родившись в семье плотника, занимался значительную часть своей земной жизни плотническим ремеслом. Он дал образец совершенного исполнения этой заповеди Божией. Во-вторых, никто не может жить за счет других людей, но все должны трудиться: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», — говорит апостол Павел в уже цитированном нами втором послании к Фессалоникийцам.

Обязанность трудиться касается каждого, кто в состоянии работать, чтобы предотвратить ситуацию, когда другие должны заботиться о его средствах к существованию. Обязанность трудиться покоится на множестве оснований. Во-первых, на мировоззренческих. Бог требует от людей, чтобы они жили в труде и трудолюбии. Работа по специальности является средством познания, служения ближнему, помощи в раскрытии творения. Во-вторых, важным является антропологическое основание. Структура человека такова, что он полноценнее существует, когда сознательно чем-то занимается. В-третьих, существуют серьезные общественные причины. В современном обществе, которое основано на широко проведенном и очень глубоком разделении труда, человек может существовать, только благодаря труду других и сам внося свою лепту в общий труд.

Кроме обязанности к труду часто заходит речь о **праве на труд**. Право на труд есть право получить и сохранять рабочее место. Христианство всегда подчеркивало тесную взаимосвязь обязательства к труду и права на труд. Причем западные христиане, ранее всего столкнувшиеся с капиталистическим хозяйством и с его неотъемлемым компонентом — безработицей, имели возможность осмысления права на труд с духовных позиций. Так, в одной из католических энциклик написано: «Поддержание жизни является данной природой строгой личной обязанностью. Данная природой личная обязанность к труду соответствует данному природой личному праву на труд — посредством труда заботиться о собственной жизни и жизни связанных с ним людей».

Что тут важно для нас, для нашего общества, нашей теперешней жизни? Право на труд в смысле индивидуального права на рабочее место, которого добываются от государства, сегодня у нас больше не защищается; но как право в форме задачи центральных органов власти, задачи профсоюзов как представителей трудящихся, задача предпринимателей — а именно как их обязанность добиваться как можно более полной занятости в обществе, оно остается актуальным.

С христианской точки зрения право человека на труд является непосредственным выражением человеческого достоинства. Человек создан для деятельной жизни и познает ее смысл в ходе

обмена с согражданами. Однако, человеческая работа не обязательно является оплачиваемым трудом. Таким образом, речь идет также о деятельности вне производственного труда как незаменимом вкладе для общества. **Труд — это больше, чем труд для заработка**, ибо для того, чтобы общественная совместная жизнь была возможной и успешной, **необходима деятельность, которая гораздо шире понятия наемного труда**.

Застарелая ошибка раннего капитализма, а именно когда люди уравниваются с материальными средствами производства и с ними обращаются лишь как с инструментами, вместо того, чтобы рассматривать их соответственно трудовому достоинству труда, как его субъект и его настоящую цель, грозит повториться в мировом масштабе, в том числе и в таких обществах, как наше, когда ставится задача вхождения в рыночную экономику. Обратить внимание на опыт стран, которые прошли многие этапы, которые нам предстоит пройти просто необходимо. Церковь должна напоминать об этом.

С грехопадением оказалось нарушенным соотношение духа и плоти. Христианская этика и, в частности, этика труда видит свою цель в восстановлении должного соотношения двух начал — духовного и материального. Вместе с тем в человеке есть более важная, чем тело, субстанция — его бессмертная душа. И потому «хлеб небесный», — духовная пища, слово Божие более важны, чем пища для тела. Первое искушение Христа в пустыне как раз и связано с этой проблемой (Мф. 4:4).

Однако человек не освобождается от бремени хозяйственной необходимости, но одухотворяет его. Труд, совершаемый ради любви к ближнему, направленный на раскрытие данного Богом таланта, на совершенствование и воспитание души, признается в христианстве безусловно благим, угодным Богу. Напротив, труд, направленный на самоутверждение, самовозвеличивание, совершаемый ради сребролюбия, тщеславия, превосходства над другими, как и труд, подавляющий человека, истощающий или растлевающий его, признается в христианстве либо просто суетным, лишенным смысла, либо даже пагубным.

В качестве последнего замечания о всеобщем призвании к труду можно констатировать, что **люди призваны к труду для**

того, чтобы они могли возделывать землю и все дальше раскрывать Творение и свои возможности. «В поте твоего лица ты должен есть твой хлеб», так гласит Библия. Несколько замечаний относительно этого. Во-первых, человек призван не только к оплачиваемому труду, но сюда относится также неоплачиваемый труд. Во-вторых, можно сказать несколько утрировано, что традиционная постоянная работа с должностью и окладом станет в известной степени анахронизмом, ибо европейское общество и производство, основанное на началах информационной цивилизации, будет развиваться по пути, где место работы, должность и ставка не будут больше такими важными. В любом случае ясно, что и без постоянного рабочего места можно быть продуктивным для самого себя, для других и для общества. В-третьих, *человеческим хлопотам установлены границы.* Наряду с работой должно быть *время для покоя и отдыха, для свободного времени, для священного воскресенья.* Даже Господь отдыхал на седьмой день и завещал, что мы должны быть Его последователями в этом. Покой в воскресенье является коллективным благом; другими словами, один день в неделю является для общества драгоценным владением. В прошлом свободное время было относительно редким явлением. Но сегодня это значительно изменилось. Свободное время теперь имеют многие. *Только в равновесии труда, оплачиваемого и неоплачиваемого, и свободного времени возможен рост человеческой личности.*

Вера, внутренняя жизнь и внутренняя установка относительно труда, богатства, земных благ и земной активности составляют средоточие христианской этики труда, а последняя является одним из важнейших факторов развития личности как человека-творца.

Особое значение имеет вопрос *вознаграждения за труд.* Хотя, по большому счету, все христиане базируют свое понимание на принципах, изложенных в Священном Писании, но все же в ряде моментов православная мысль по этому вопросу весьма отличается от католической и, еще больше, от протестантской.

Православное богословие не рассматривало вопрос о вознаграждении за труд специально. Однако ответ на него содержится в житиях святых. Так, например, в житии преп. Сергия Радонеж-

ского есть показательный эпизод. За весьма тяжелый труд — пристройку сеней к келии одного из старцев в монастыре преп. Сергий попросил только «несколько кусков гнилого хлеба». Это, конечно, никак не соответствовало понятиям о «справедливом» вознаграждении за сделанную работу.

Русская монашеская святость вообще дает много примеров безвозмездного труда и сознательного занижения платы за труд. Некоторые формы труда, как, например, врачевание, вообще не должны были оплачиваться страждущими. Не случайно за преп. Агапитом закрепилось прозвище Врач Безмездный. Вместе с тем преп. Иосиф Волоцкий считал допустимым брать с богатых как можно больше за молитвы и поминовение усопших, перераспределяя затем их деньги в пользу неимущих.

Ведь еще святитель Василий Великий считал воров того, кто не отдает часть своего имущества в качестве жертвенной помощи ближнему. Эту же мысль подчеркивал святой Иоанн Златоуст: «Не уделять из своего имущества есть также похищение». *Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним.*

В католическом богословии проблемы вознаграждения за труд специально разрабатывались со времен святого Фомы Аквинского. Схоласты спорили о «законной» и «справедливой» цене, как и о всей социально-экономической деятельности человека. Исходным принципом в этих рассуждениях был *поиск соответствия и соразмерности.* Каждый труд должен был быть оценен по достоинству, в строгом соответствии с затраченными усилиями, условиями и разнообразными обстоятельствами труда и т. д. Впрочем, нельзя не отметить, что католическое монашество в отдельных случаях также дает примеры безвозмездного труда и проявляет тенденцию к занижению платы за труд. Так, например, великий католический святой Франциск Ассизский увещевал монашескую братию не брать за работу денег, но только «необходимое для телесных нужд».

Рациональная, с учетом всех обстоятельств, оценка сделанной работы и оплаты труда занимала и протестантских богословов. Многие из них шли в русле ветхозаветной традиции, в лоне

которой сложилось убеждение, что *плата за труд ни в коем случае не должна быть заниженной*. «Врач, который ничего не берет, ничего не стоит» — говорилось в Вавилонском Талмуде. Протестантская мысль восприняла это убеждение как само собой разумеющееся.

Различия православного, католического и протестантского подходов к проблеме вознаграждения за труд тесно связаны с неодинаковым отношением к *профессиональному совершенствованию*. В православной традиции было предпочтительнее быть «мастером на все руки», «искусным во всяком деле человеческом», а не замыкаться в рамках какой-то одной профессии. В католицизме, с его идеей «верности» своему сословию и профессии, напротив, казалось более важным совершенствоваться в одной специальности. Протестантизм на раннем этапе своего развития запрещал заниматься чем-либо, кроме своей профессии, и требовал специализироваться только на ней одной, полагая, что все остальные дополнительные виды деятельности — пустая трата времени, негодная Богу.

3. Труд и спасение. Труд как аскезы

Каждое из христианских вероисповеданий имеет свои особенности в отношении к труду в целом и различным видам труда, вознаграждению за работу, профессиональному совершенствованию, техническому совершенствованию и т. д. Они определяются всем комплексом вероучительных вопросов, которые по-разному решают различные христианские конфессии. Особое значение имеет здесь *учение о спасении*, а именно от ответа на вопрос: *входит ли труд в дело спасения или всякая земная деятельность здесь ни при чем*.

В православном учении о спасении предполагается наличие двух волей — Божественной и человеческой, обладающей свободой выбора. Бог дает «объективные» условия для спасения, а человек волен усваивать или нет предложенный ему путь. Казалось бы, это толкает человека на особый активизм в мире. Дело, однако, в том, что, связывая личность в основном с душой, а не телом, Православие говорит в основном о спасении именно души, сосре-

доточиваясь на вопросах внутренней жизни человека. Труд представляет ценность постольку, поскольку он помогает достичь внутреннего совершенства, то есть *является аскезой в широком смысле слова*. Другими словами он превращается в «трудничество», особую форму аскетического подвига, который в своей полной форме практиковало монашество. Православие видело свой этический идеал в монашестве, но это не означало, что к мирянам предъявлялись другие этические требования. Они были одинаковыми для всех. В результате *каждый верующий, даже оставаясь в миру, должен быть монахом-аскетом в сердце своем*. Это означало, что его труд должен быть «трудничеством», очищая и возвышая душу. *Сами плоды труда, как и достижения культуры и цивилизации, сами по себе значения не имеют*.

Труд может служить делу спасения, но постольку, поскольку совершается «Христа ради», то есть является трудом аскетическим (в широком смысле слова), совершаемым во имя любви к Богу и ближним. По слову преп. Серафима Саровского «лишь только ради Христа делаемое добро приносит плоды Святого Духа, все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды будущего века нам не предоставляет, да и в здешней жизни благодати Божией не дает».

Но как быть с обычным, повседневным человеческим трудом? В православном богословии не было единого мнения по этому поводу. Одни, как, например, Исаак Сирийский (VII в.), полагали, что «внешний труд» может способствовать, а может и мешать делу спасения. Все зависит от того, на какой ступени духовного развития стоит человек. Так, «плотский» человек, живущий в миру, погряз в земной суете. Всякий его труд, даже творческий, обречен оставаться бесполезным для души. Для человека «душевного» труд оправдан постольку, поскольку является средством аскезы. Для «духовного человека», сосредоточенного на «умном делании», а значит, только монаха, всякий телесный труд вреден, поскольку отвлекает от созерцания.

Другие подвижники и богословы не были так категоричны в отношении к «внешним» трудам, однако и они видели в созерцании и молитве высшую форму «духовного» труда. Таким образом, можно сказать, что для Православия в центре внимания ока-

зывается внутренняя духовная жизнь человека. *Самой важной оказывается духовно-аскетическая мотивация труда. Основным критерием труда становится его «душеполезность».*

В католицизме и особенно протестантизме добросовестный честный труд, усердие, профессионализм имели самостоятельную ценность. Католическая мысль рассматривала их как добродетели, необходимые для обретения спасения. Протестантизм, считая что спасение — вопрос непостижимой воли Всевышнего, уделял трудовым вопросам особенно большое значение по несколько иным соображениям. Протестантская мысль видела в высоком профессионализме залог успешного труда. *Если человек относится к труду как к религиозному призванию, то его трудовые успехи являются знаком свыше, указывая на то, что он угоден Богу.* Следовательно, это верный признак того, что человек спасен и обретет жизнь вечную. Таким образом, успешное ведение дел, прибыль, праведно нажитое богатство указывают на то, что человек войдет в рай. Неудачи же, напротив, есть плохой признак. И протестант изо всех сил старался добиться успеха. Это не только подкрепляло его уверенность в собственном спасении. Так снималось душевное напряжение, возникавшее в результате противоречия между убежденностью в абсолютно злой, греховной природе человека и необходимостью веры в спасенность.

В связи с этим Православие, католицизм и протестантизм по-разному оценивают различные виды профессиональной деятельности и по-своему выстраивают *иерархии ценности различных земных занятий.*

Православие видит свой этический идеал в монашестве. В результате все «мирские» труды становятся как бы в положении сравнительной оценки — т. е. их духовная ценность рассматривается по сравнению с монашеским призванием. В принципе же все равно, какой мирской деятельностью занят человек, если, уж, он не монах.

Вместе с тем простой труд, грубая физическая работа в отечественной традиции Православия часто оказывалась предпочтительнее интеллектуального труда. Это было во многом связано с тем, что вера ставилась выше разума. Для созерцания, как и всех внутренних духовных переживаний, важно сердце, а не разум и

образование. Неграмотный подвижник веры может быть мудрее иного интеллектуала. К умственному труду, чреватому «своемыслием», относились с определенным подозрением. Тут нельзя не учитывать, что в отечественной духовной традиции *смирение почиталось высшей добродетелью.*

В результате предпочтительнее с моральной точки зрения оказывался простой физический труд. Пример трудового подвижничества явили иноки многих монастырей. Их хозяйственная деятельность во многом была образцом для подражания, а основатели крупнейших иноческих обителей имели, наряду с высочайшим духовным авторитетом, и славу великих тружеников. Характерно, что те идеалы трудничества, которые мы видим в житиях православных святых, связаны, как правило, с простым тяжелым трудом — колкой дров, тасканием воды на всю братию, печением хлеба и т. д. За свое трудническое подвижничество многие святые иноки получили соответствующие характеру их труда прозвища: преподобный Авраамий Трудолюбивый (XII в.), преподобный Агапит Врач Безмездный (XI в.), преподобный Марк Гробокопатель (конец X в.), преподобный Ипатий Целебник (XIV в.), преподобный Андрей (Рублев) Иконописец (XV в.), преп. Варфоломей Строитель (XV в.). Широко известны примеры усердного труда преподобных Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и других православных подвижников.

Важно отметить, что такое особое почитание простого физического труда было связано во многом с идеалом «социального опрощения», который проповедовало русское монашество. Идея заключалась в том, что самоуничижение, любовь к «худым ризам» (то есть дырявой, ветхой одежде), абсолютной бедности, неприглядности, несчастному, смиренному и убогому виду и образу жизни в целом виделись лучшим способом *уподобиться Христу* в Его земном образе страдающего, униженного, подвергшегося поруганиям и позорной казни на кресте человека.

Такое подражание страдающему униженному Христу имеет глубочайший философский смысл. Оно означает, в частности, принятие того простого факта, что в земной жизни существует чудовищная несправедливость, что самые добрые, чистые, святые люди

чаще всего оказываются и наибольшими страдальцами. Эта идея была возможна только на основе Нового Завета. В ветхозаветной традиции праведник обычно вознаграждался уже в земной жизни.

Социальное опрощение опровергало мирское представление о социальной иерархии, престижности и почете. Оно формировало убеждение в том, что *существует иная, духовная иерархия, которая бесконечно важнее земной*. Безусловно, это была чрезвычайно полезная *этическая прививка* против преувеличения роли социальных различий. Социальное опрощение, столь естественное для православной традиции, совершенно чуждо католицизму, а тем более протестантизму.

Таким образом, мы не должны закрывать глаза на то, что в сознании многих православных существует-таки некий дуализм между «духовным» и «мирским», «церковным» и «светским». За этим дуализмом кроется вопрос: каким образом спасение, понимаемое в эсхатологическом смысле, совместимо со спасением как благоустройением человеческой жизни на земле, с христиански осмысленной ответственностью за всё происходящее в этом мире, с религиозным осмыслением того, что принято называть «земным благополучием». Если все земное несущественно, так следует ли им всерьёз заниматься? ~~Безнадежно велик соблазн для любого эскапизма (посредством — «бегства») для верующего, внутреннего ухода из этого мира, минимизации отношений с ним. Часто эти две ориентации вступают в жесткое противоречие, что составляет одну из причин человеческой драмы. Дальнейшее развитие трудовой и хозяйственной этики Православия призвано способствовать разрешению этой — и социальной, и в еще большей степени духовной — задачи.~~

Христианское отношение к труду и те различные подходы к различным формам и видам труда, вознаграждению за труд, профессиональному совершенствованию, которые мы видим в православной, католической и протестантской традиции, помогают лучше понять и нашу украинскую специфику, и сопоставлять Православие с западными христианскими вероисповеданиями. Без этого мы вряд ли сможем выработать формы рыночных отношений, адекватных нашим традициям и соответствующих нормам цивилизованного общества.

М. В. Дмитриев

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРЕХЕ И ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА (ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ) В СРЕДНЕВЕКОВОМ КАТОЛИЦИЗМЕ И ПРАВОСЛАВИИ¹

План лекции

1. Истоки: латинская и греческая патристика.
2. Первородный грех, природа человека и спасение.

1. Истоки: латинская и греческая патристика

Конечно, невозможно учесть всё, что написано теологами, историками церкви и религиозной жизни, просто историками, социологами религии и просто социологами о специфике католицизма и православия. Но, оставив за скобками не самое необходимое, можно опереться на опыт нескольких авторитетных специалистов, аккумулировавший принятые в настоящее время представления.

Русские учебники по полемическому богословию к концу перечню принципиальных расхождений католицизма и православия (наряду с такими центральными вопросами как исхождение Св. Духа, примат папы и опресноки): признание авторитета дейтероканонических книг, ошибочная концепция «первородной праведности», неправильное толкование первородного греха, учение о непорочном зачатии Богоматери, учение о сверхдолжных заслугах и о благодати, накопленной святыми, учение о недостаточности заслуг одного Христа для спасения, признание действительности таинств *ex ore ore gato*, отрицание необходимости эпиклезы во время освящения священных даров, представление временном наказании грешника даже в том случае, если его грехи отпущены священником, учение об индульгенциях и чистилище, неизбежность посмертного наказа-

© Дмитриев М. В., 2010

¹ Лекция написана на основе статьи: *Дмитриев М. В.* Человек Православный и Homo Catholicus // Интеллектуальный форум. 2002. № 9. С. 63—87.